

ШКОЛА ФИЛОСОФСТВОВАНИЯ

Молодые философы

ВОПРОС О РОССИЙСКОМ ГОСУДАРСТВЕ В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМЫ СТОЛКНОВЕНИЯ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

И.М. УГРИН

Известный американский политолог Сэмюэль Хантингтон полагал, что «центральной осью мировой политики в будущем станет конфликт между «Западом и остальным миром», и реакция незападных цивилизаций на западную мощь и ценности»¹. Такая постановка проблемы приобретает для России особый смысл, ведь русская цивилизация – это не западная цивилизация, и на протяжении всей истории между этими двумя мирами шел непростой процесс взаимодействия: Россия то училась у Запада подобно школьнику, то обличала его пороки подобно учителю.

Постараемся рассмотреть сущность проблемы столкновения цивилизаций. Цивилизация – это наиболее широкая культурно-историческая общность (достигшая своего оформления в виде государственного строя), выше ее по уровню обобщения – только человечество. Конечно, можно говорить о культуре как об особом виде жизнедеятельности человека, наблюдаемом везде, где есть «*homo sapiens*», и, следовательно, как о том, что объединяет людей, принадлежащих к разным цивилизациям. Но региональные различия культур слишком значительны и играют слишком большую роль, чтобы их не учитывать. Чем дальше идет процесс экономической интеграции, чем более тесно взаимодействуют между собой представители разных цивилизаций, тем острее ощущаются эти различия. И если и раньше ценностные разногласия приводили к разного рода конфликтам, вплоть до военных (к примеру, религиозные войны между протестантами и католиками в Европе длились целое столетие – от начала шмалькальденской войны в 1546 г. до вестфальского мира в 1648 г.), то теперь, в XXI веке, который иногда называют информационным, значение культурных и антикультурных явлений возрастает в разы. Культурные течения порождают те или иные информационные волны, под воздействием которых формируется сознание современного человека. А, скажем, те волны, которые порождаются культурой Постмодерна и культурой традиционного ислама, не только различны, но и не совместимы, а, значит, столкновения между ними неизбежны. В современном мире, когда на вооружении наиболее развитых государств стоят технологии, способные уничтожить всю планету, цена военного конфликта слишком высока. Поэтому поле

битвы перемещается из пространства географического в пространство психоинформационное.

Первыми, среди осознавших необходимость смены стратегии ведения борьбы за свои интересы, оказались США. Им принадлежит пальма первенства в деле разработки технологий современных «информационных войн». Со времен окончания Второй мировой войны вплоть до прекращения существования Советского Союза ход истории задавало противостояние двух сверхдержав, двух цивилизаций. США добились важных успехов в проведении политики сдерживания и информационных войн, поэтому, несмотря на военную мощь СССР, они вышли победителями из «холодной войны». Одна из внутренних причин крушения советского строя — заостренность советской идеологии. Культура, лежащая в основе каждой цивилизации, обладает способностью к саморазвитию в отношении всех остальных сфер жизни. Так можно говорить об экономической культуре, правовой, эстетической, гражданской культуре и т.д. Если происходит изменение экономической культуры, меняется ценность труда и отношение к нему со стороны человека, и, как следствие, трансформируется в какой-то мере и экономическая модель. Так протестантская этика вызвала к жизни те духовные силы, которые стали преобразовать социальные отношения и ранее униженное третье сословие в лице буржуазии превратилось в самостоятельный субъект в обществе и в истории. Но когда наступает кризис культуры и на смену устаревающим ценностям приходят новые, государство, которое оформляет цивилизацию в политическом отношении, оказывается бессильным в сдерживании центробежных тенденций. Результат всегда один — распад старой политической системы.

Рассуждая о жизнеспособности российского государства, В.Н. Шевченко пишет: «Первый и главный критерий его жизнеспособности — это вопрос о природе российской государственности, ее онтологической сущности, матрице и степени соответствия ей конкретно-исторических форм Российского государства. Чем больше здесь соответствия, тем более прочным и дееспособным оказывается государство, и наоборот. Распад, т.е. неуправляемая дезинтеграция государства, а такое не раз случалось в истории (только в XX веке Россия пережила две национальные катастрофы), означает, что государственная власть не просто совершила ошибки, это всегда как-то поправимо, она действовала вопреки глубинной, метафизической природе государства. Поэтому если сегодня говорят об угрозе распада, то главной причиной может быть только серьезный конфликт между метафизической сущностью государства и существующим государственным устройством, который наглядно проявляется в неадекватных политических действиях, в ее неспособности выработать и тем более осуществить стратегически верный курс на сколько-нибудь длительную перспективу². Метафизическая сущность, о которой идет речь, не дана сверху, не спустилась с небес, она выкристаллизовалась в ходе длительного исторического процесса, она сама есть продукт и результат истории, неотъемлемая часть истории. Нельзя пойти против истории и одержать верх над ней, все новое, творческое и продуктивное своими корнями уходит в историческую почву жизни народов. В этой

метафизической сущности для нашего исследования важно выделить три черты: наличие высокоцентрализованной вертикали власти и наличие первого лица, обладающего практически неограниченной властью, а также особая роль государства в управлении экономикой. История России не смогла изменить матрицу государства, которая носит незападный характер и отличается от западной (европейской) модели, которая имеет характер рационально выстроенного проекта. Это важно иметь в виду при оценке результатов проведенного исследования.

Крах советской цивилизации был, прежде всего, вызван крахом советских ценностей, которые имели тесную взаимосвязь с «матрицей», онтологической сущностью российского государства. Безусловно, к середине 80-х гг. XX столетия, когда была затеяна «перестройка» во главе с М.С. Горбачевым, Советский Союз стал испытывать затруднения в экономической, социальной, политической сферах жизни, но не эти затруднения стали решающими причинами распада страны. Для того чтобы понять и признать такой вывод, достаточно вспомнить 1917 год. В то время царил экономическая разруха, жуткое социальное расслоение, страна буквально кипела, продолжалась война, империя разваливалась изнутри в результате распада структур власти и массовых выступлений населения как в центре, так и особенно в национальных окраинах. Эта ситуация разительно отличалась от ситуации 1991 г., когда все решения принимались «наверху». Положение страны в 1917 г. было в разы опаснее и труднее, нежели в конце 1980-х. И, тем не менее, целостность государства уже в новой форме в итоге удалось сохранить. Следовательно, дело не в тех экономических и политических проблемах, с которыми столкнулось советское общество. Точнее, не только в них. Главная причина заключалась в том, что не нашлось политической воли и здоровых социальных сил преодолеть возникшие трудности, найти выход из непростой, но не катастрофической ситуации.

Китай, к примеру, накануне реформ Дэн Сяопина находился в гораздо более тяжелом положении. Но у руководства страны нашлось достаточно воли и мудрости, чтобы суметь перестроить систему в соответствии с вызовами, вставшими перед ним. Теперь Китай вместо Советского Союза выступает в роли своеобразного противовеса, который успешно сдерживает стремление Соединенных Штатов к мировой гегемонии.

Когда идет речь о кризисе духа в обществе, то имеются в виду ценности и предпочтения людей. И, естественно, если в их иерархии ценностей гражданская составляющая долга стоит на последнем месте или отсутствует вообще, тщетно надеяться, что в условиях кризиса эти люди смогут найти достойный из него выход. Для того чтобы найти выход из кризиса, касающегося целого (народа, государства, общества), следует прежде научиться принимать на себя ответственность за целое, т.е. выходить за пределы своего «я» или, как говорят некоторые психологи, расширять свое «я» до масштаба общего. Но воспитание и возвышение ценностей есть задача культуры. Признавая тот факт, что часть правящей элиты в советские времена отступила от тех ценностей советской системы, которая и сделала ее элитой, следует признать и то, что, следовательно, в самой культуре, формирующей и транслирующей данные ценности, были

серьезные изъяны. Ведь не только часть элиты отвернулась от прошлого, хотя она это сделала первой, но и сами советские люди проявили мало активности в деле защиты своих ценностей и тем более идеалов. Хотя нельзя сказать, что они полностью отказались от идеалов³. Здесь другое. Не просто отказ, но утрата доверия к власти с точки зрения того, как эти идеалы вообще могут быть реализованы.

Ни одна властная система не простоит долго без поддержки снизу. Без доверия власть не может быть дееспособной длительное время. К закату «советской цивилизации» компартия израсходовала практически полностью свой лимит доверия. Но ситуация не была безысходной. Доверие могло быть восстановлено, если бы произошла реорганизация партии и обновление идеологии. Реорганизация и обновление — понятия не тождественные «разрушению» и «дискредитации». Вся властная система Советского Союза, как и ранее в Российской империи, замыкалась на одного человека. Такой принцип организации характерен для государств имперского типа, он имеет свои преимущества, но при этом и очевидные недостатки. Один из них заключается в том, что если первый человек (монарх, император, генсек, президент) оказывается сознательно или неосознанно настроен против сложившейся системы власти, то она может быть при большой его решимости и желании разрушена или приведена в хаотическое состояние в короткие сроки. Это было наиболее уязвимое место советской системы, ее ахиллесова пята. А если известна точка, при давлении на которую рушится вся постройка, то, по образному выражению Александра Зиновьева, «иголкой можно убить слона».⁴

Можно долго спорить о том, какими мотивами руководствовался М.С. Горбачев, когда он приступал к реформированию общественного строя Советского Союза. Итог перестройки оказался однозначным, это факт. Не стало страны. Но здесь решающее значение, с нашей точки зрения, имело другое обстоятельство. В ситуации кризиса один человек, обладающий необъятной властью, может сыграть решающую роль в судьбе страны. Когда подорваны культурные основания, удерживающие всю социальную архитектуру, достаточно нажатия на «болеую точку», и многоэтажное здание власти складывается как карточный домик. Победила подпольная диссидентская культура, но не потому, что она оказалась близка многим и сумела действительно объединить широкие слои населения, выразить их реальные чаяния и надежды, но потому, что та культура, которая объединяла людей до этого, утратила свою силу. Старое исчерпало себя, новое не родилось. В этом подлинная суть и трагедия краха Советского Союза⁵.

«Перестройка» приобрела деструктивные черты, так как почти с самого начала она не была направлена на «строительство», т.е. созидание нового. И это видно по культурным веяниям тех лет, когда из-под подполья было вынута все, что могло обличить и укорить советское государство и его основателей. Критика — вещь необходимая, когда она имеет целью исправление в лучшую сторону существующего положения вещей, но критика ради критики, отрицание ради отрицания всегда разрушительны.

И до сих пор находятся «перестройщики», которые главную беду сегодняшней жизни видят в наследии советского периода. Сергей Кара-

ганов, автор проекта, который в прессе получил название «Десталинизация», пишет: «Убежден, модернизация страны ни на техническом, ни на политическом уровне невозможна без изменения сознания общества, взращивания у народа чувства ответственности за себя, страну, гордости за нее, пусть временами и горькой... Общество не может начать уважать себя и свою страну, пока оно скрывает от себя страшный грех — 70 лет тоталитаризма, когда народ совершил революцию, привел к власти и поддерживал античеловеческий, варварский режим... Продолжать скрывать от себя эту историю означает неявно оставаться соучастниками этого преступления»⁶. Согласно подобному рода представлениям, главное препятствие для развития российского общества, для его «модернизации» — недостаточное «покаяние» за «грех советского прошлого». Но даже если видеть в советском эпохе только «черное» (хотя каждому мыслящему человеку понятно, что ни один исторический отрезок нельзя рассматривать сквозь призму категорий «черное-белое»), что может дать подобного рода самобичевание, тем более сейчас, когда мы стоим перед проблемами совсем иного порядка?

«Перестройка», провозглашенная руководством страны с высокой целью — придать советскому социализму новое дыхание, новые смыслы, вскоре превратилась в самобичевание, затеянное самой властью, которая и разрушила советский строй. Социализм — явление не случайное для России. Капиталистический уклад был чужд крестьянскому общинному духу. В этом — одна из причин (конечно, не единственная), почему коммунистические лозунги нашли поддержку во время революции 1917 г. Другая причина заключалась в том, что дореволюционный капитализм, будучи зависимым и отсталым по своей природе периферийным капитализмом, показал свою несостоятельность с точки зрения решения проблем экономического развития России⁷. По этой причине реформа Столыпина так не смогла решить (хотя и была направлена на это) ключевого вопроса — вопроса о земле. Социализм во многих отношениях стал органичен для российской действительности, поэтому он стал исторически продуктивным, позволил ответить на вызовы, которые поставила перед обществом новая историческая реальность. Поворот на 180 градусов, совершенный в конце 1980-х — начале 1990-х гг., от централизованной плановой экономики к рыночной, привел к катастрофическим последствиям. И эти последствия — результат отказа от собственной парадигмы экономического развития.

В силу воздействия ряда факторов российская модель экономического развития всегда имела ряд специфических черт, которые органически входят в матрицу российской государственности. Для описания этого типа экономики известный ученый О.Э. Бессонова использует термин «раздаточная»⁸, конституируя ее принципиальную отличность от экономики рыночного типа. Определяющую роль в налаживании экономических связей и обеспечении эффективности работы хозяйственной системы в России играло на протяжении всей истории государство. Уход государства из экономики не создал, как предполагалось, новые возможности для предприимчивых хозяйственников, а привел к разрушению всей системы. Система может быть трансформирована, но такая транс-

формация будет полезной лишь в том случае, если она не является «анти-системной», т.е. уничтожающей базовые принципы, по которым система живет на протяжении столетий. «Раздаточный» тип хозяйства — одна из составляющих российской цивилизации.

Цивилизация, отрицающая саму себя, либо перерождается, либо погибает. Империя, уничтожая имперскую вертикаль власти, дискредитируя ее, тем самым разрушает и убивает себя. Цивилизация — понятие, характеризующее историко-культурную общность людей. Империя — понятие, характеризующее особый тип государства в добуржуазную эпоху. Так многие цивилизации достигли своей зрелости в лоне соответствующих империй. Западная в лоне Римской империи, исламская — Арабского халифата, конфуцианская — Китайской империи, индо-буддийская — империи Маурьев, православно-славянская — Русского царства. Либерально-демократическое или национальное государство нового времени в отличие от империи никогда не было способным объединить под одним крылом разные народы, приверженные к разным культурам. Цивилизация подразумевает наличие метакультуры, которая способна стать тем, что мы называем национальной культурой. Империя подразумевает наличие такой государственной «метасилы», которая стоит над всеми остальными этническими или региональными силами в государстве, обладающими в пределах своего ореала долей независимости.

В этом смысле США в отношении внешнего мира и сегодня остаются империей, но уже империей нового типа, которая стремится расширить зону своего влияния на всю планету (или на большую ее часть). США могут быть империей сегодня благодаря метакультуре, проявляющейся в особом отношении к личности человека, его правам и свободам безотносительно его национального происхождения. Симбиоз цивилизационной и имперской составляющих позволяет государству быть действительно эффективным в деле защиты и продвижения своих интересов на международной арене. До середины XX в. привычным способом разрешения политических разногласий была война. Вопрос о военной мощи был вопросом номер один в любой империи. Не случайно Петр I, основатель Российской империи, в первую очередь думал об армии и флоте и лишь затем о других, может быть, не менее важных делах. В современном мире вперед выходит цивилизационная составляющая, и методы борьбы не могут свестись к вооруженным столкновениям, хотя и последние имеют место (взять хотя бы войну в Ираке или интервенцию в Ливии). Главное, не питать иллюзий по поводу того, что само противоборство закончилось и возможен мир, где всем «хорошо». Он невозможен не потому, что он невозможен в принципе, но потому, что западная цивилизация по своему типу и образу жизни — цивилизация агрессивная, экспансивная, а значит, стремящаяся подчинить или «переформатировать» по-своему другие цивилизации. Одновременно с этим западная цивилизация объективно наиболее развита, следовательно, ее экспансия имеет большие шансы стать успешной.

Обычно проводят различие между понятиями «модернизация» и «вестернизация», понимая под первым процесс становления современного общества, под вторым — распространение западных ценностей и вытес-

нение ими ценностей автохтонных культур. Но неизбежно возникает вопрос, а что такое современное общество? Часто в пример ставится Япония, которой удалось стать современной и успешной, при этом сохранив свою самобытность. И она действительно сохранила свои самобытные черты, но удалось ли ей сохранить неизменным ценностный стержень своей цивилизации — это вопрос. Дело в том, что современное общество — это потребительское общество. Та культура, которая реально стала приобретать глобальный характер, проникая во все общества, это не культура права и личной свободы (которая лежит в основе многих достижений западных стран), а культура потребления. То есть не культура Модерна, а культура Постмодерна. Ценности потребительской культуры можно назвать антиценностями. А саму потребительскую культуру можно назвать антикультурой, так как она не воспитывает любовь к созиданию, но поощряет страсть к обладанию все большим количеством вещей, символов материального благополучия и достатка. Окончательная победа потребительского духа подразумевает остановку развития, ведь человеку не нужно стремиться к чему-либо, изменяться, совершенствоваться, его счастье — в приобретении новых товаров. И отношение к жизни, к окружающим людям, к природе, к знаниям, к искусству начинает формироваться по принципу рыночных отношений, а значит, собственно «человеческое» исчезает, уходит в небытие.

Японское общество, став современным, не стало квазиевропейским или квазиамериканским. Однако оно столкнулось с теми же самыми проблемами, которые рождают потребительские ценности. Две из них предельно очевидны. Одна из проблем — это падение рождаемости (в Японии в сочетании с высокой продолжительностью жизни это привело к самому быстрому во всем мире «старению» населения), другая — «виртуализация» жизни. Современным миром, по словам французского философа Ги Дебора, правит «Гаджет» во всех своих ипостасях (в роли «гаджетов» могут выступать не только материальные вещи, но и удачно продаваемые идеи)⁹. Человек уходит из реальности¹⁰, его перестает интересовать подлинное, настоящее, важным оказывается форма, а не содержание. И такое отчуждение распространяется во всех направлениях, вплоть до отчуждения от самого себя. Член современного общества не живет (существует, но не живет) и не стремится дать жизнь, т.е. рожать и воспитывать новое поколение. Такое положение вещей — прямое следствие торжества потребительского духа.

А культурные основы любой цивилизации противны антикультуре потребления, так как любая высокая культура задает идеалы, устремляясь к которым человек преодолевает узкие рамки своего «личного», и таким преодолением совершенствует не только себя, но и общество. Тот, кто стремится к идеалу, противопоставляя свою жизнь, выступая в качестве выразителя грядущего мира идеального обывателю, тот в массовом сознании выступает в роли героя. Но герои есть до тех пор, пока существует идеальное. Смерть идеального означает и смерть героического. Как верно заметил английский философ Т. Карлейль, «если сами мы холопы, для нас не может быть героев»¹¹. Холоп — тот, кто подчиняется обывателю, стремящийся брать и присваивать из окружающего его мира; свободный —

тот, кто дает, привносит в этот мир новое, кто независим от окружающего мнения. Благодаря своей независимости может изменять его, хаос, претворять в космос; свободный — субъект и творец истории, холоп — раб времени. Антикультура потребления делает «холопство» нормой, на место идеала ставит отсутствие всяких идеалов. Так из жизни исчезают не только герои, но и само представление о подвиге, о нужности героев. «Я думаю, что уважение к героям, — пишет Т. Карлейль, — в различные эпохи проявляющееся различным способом, является душой общественных отношений между людьми и что способ выражения этого уважения служит истинным масштабом для оценки степени нормальности или ненормальности господствующих в мире отношений»¹². Видимо, налицо все признаки «ненормальности».

В сложившейся ситуации существуют два выхода, позволяющие стране сохранить свою цивилизационную идентичность. Первый — попытаться изолироваться от глобализационных процессов, одновременно осуществляя возврат к традиционным ценностям. Отчасти это можно наблюдать в некоторых странах мусульманского региона. Второй — предложить альтернативный вариант глобализации, основанный не на потребительских антиценностях, а на метакультуре. Он может и должен быть, с одной стороны, совместимым с цивилизационными основами жизни разных народов, а с другой стороны, смог бы выступать в роли универсальной культуры, т.е. культуры, претендующей на всеобщность и доказывающей своими достижениями эту всеобщность. Именно этот сценарий реализовывался в Советском Союзе. Но в силу допущенных ошибок первая попытка реализации потерпела неудачу. Но означает ли это, что подобный сценарий в принципе не осуществим?

Дело в том, что для России первый вариант не приемлем. Ей некуда возвращаться. К православному государству? Но что тогда делать с иноверцами и теми, кто не исповедует никакой веры? Кроме того, православие в той институциональной форме, в которой оно существует сегодня, даже у тех, кто считает себя верующими, вызывает недоверие или, как минимум, немало скептицизма. В прошлое возврата нет, российское общество уже невосвратимо ушло от традиционного уклада, но черты матрицы российского государства воспроизводят себя в новой форме государства (например, фигура президента, глава государства по-прежнему предстает в роли верховного арбитра, к которому обращаются не только для разрешения крупных вопросов государственного значения, но и по самым мелким проблемам местного значения, роль государства в управлении экономикой и т.д.). Модернизация в классическом, западном варианте также не русский путь. Потому как Россия — не западноевропейская цивилизация, и многие ценности Модерна она усвоила, значительно их переработав. Точнее сказать, процесс их усвоения и переформатирования еще продолжается. Но факт «инаковости» российского пути и перспектив российского государства уже явственно виден.

Второй сценарий более трудно осуществим. Альтернативный путь глобализации подразумевает выработку альтернатив в трех главных сферах социальной жизнедеятельности: политике, экономике и культуре. Китаю удается идти «своим путем» в двух из них: экономике и политике. Но

вопрос об альтернативной глобальной культуре он не решает и вряд ли способен. При этом Китай – империя (импероподобное государство). И благодаря своей высокоцентрализованной властной вертикали ему удается оставаться самостоятельным и независимым от кого бы то ни было. И, безусловно, Китай – особая цивилизация, и его имперская мощь лишь способствует проявлению неповторимого лика этой древней цивилизации. Но проблема потребительского отношения к жизни и тех последствий, которые оно вызывает, видна и там. Борьба с потребительским духом происходит в Китае в основном посредством репрессивных мер, что вряд ли может быть эффективным в долгосрочной перспективе.

Единственный выход для России – взять на себя историческую ответственность за реализацию альтернативного сценария глобализации. И для этого она должна сохранить свою импероподобную природу. Как пишет историк А.И. Фурсов, «под “имперскостью” имеется в виду не восстановление империи типа Российской или квазимперии типа СССР – реставрировать в истории ничего нельзя. Речь идет о высокоцентрализованной высокоинституционализированной наднациональной структуре, державообразующим народом которой являются русские¹³. Это единственный выход для нее. Во-первых, потому что российское общество предельно атомизировано и процессы разложения, несмотря на пресловутую «стабильность», не остановлены, но продолжают свою разрушительную работу. Во-вторых, потому что единственный способ заново собрать столь разнородное общество – это сборка с помощью метакультуры, которая бы не отрицая культуры и традиции отдельных народов, создавала общий купол смыслов, под которым все бы смогли ужиться. В-третьих, потому что культура России содержит в себе элементы культур Азии и Европы, а значит синтез Востока и Запада возможен только здесь. «Проблема Востока и Запада, – писал Бердяев, – в сущности, всегда была основной темой всемирной истории, ее осью»¹⁴. В-четвертых, потому что в России разгул антикультуры достиг небывалого размаха, и, следовательно, необходимо предпринимать поистине сверхусилия, чтобы не допустить окончательного падения вниз, на дно. В-пятых, потому что Россия имеет советский опыт, пусть завершившийся неудачей, но все-таки реальный опыт сопротивления глобализации в современном ее виде. Сопротивления не слепого, но апеллирующего к иному идеалу – идеалу всечеловечности. СССР – был импероподобным государством, как тогда и ныне США. Противостояние между ними было противостоянием двух проектов глобализации, с крушением Советского Союза проект остался один. Но то место, которое отведено России в нем, не может устраивать русский народ¹⁵.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? // Полис. 1994. № 1. С. 12.

² Шевченко В.Н. К методологии жизнеспособности российского государства // Российское государство: опыт философского прочтения (коллектив авторов). – М.: Прогресс-Традиция, 2012. С. 320.

³ Согласно некоторым социологическим исследованиям, к советским ценностям и сейчас положительно относится большая часть населения России (см., например, исследования АКЦИО). – URL: <http://eot.su/node/6548>

⁴ *Зиновьев А.* Как иголкой убить слона. – URL: <http://www.zinoviev.ru/rus/slon.html>

⁵ О том, что среди главных причин распада Союза нельзя назвать экономической коллапс, убедительно говорит статистика ключевых экономических показателей: вплоть до начала перестройки хозяйство развивалось нарастающими темпами (см.: *Кара-Мурза С.Г.* Народное хозяйство СССР. – М.: Алгоритм, 2012).

⁶ Новая газета. Спецвыпуск «Правда ГУЛАГа» от 04. 02. 2011. № 3.

⁷ См.: *Кара-Мурза С.Г.* Развитие капитализма в России: как изменялся взгляд Ленина. Советская цивилизация. Т. 1. Гл. 1. – URL: http://www.kara-murza.ru/books/sc_a/sc_a_content.htm

⁸ См.: *Бессонова О.Э.* Раздаточная экономика России: эволюция через трансформации. – М.: РОССПЭН, 2006.

⁹ *Ги Дебор.* Общество спектакля / пер. с франц. С. Офертаса, М. Якубович. – М.: Логос-Радек, 2000.

¹⁰ Показательно в этом отношении такое явление, как хикикомори, или НЕЕТы (нити) в западной терминологии. Хикикомори (яп. «сидение взаперти») – особый вид асоциального поведения, когда по тем или иным причинам подросток или молодой человек устраняется от всех контактов с обществом и проводит в своей комнате несколько месяцев или даже несколько лет. Согласно психологу Сайто Тамаки, в Японии насчитывается до 1 млн хикикомори [20% от всех молодых (до 30 лет) людей в Японии или 1% от всего населения Японии].

¹¹ *Карлейль Т.* Теперь и прежде / сост., подгот. текста и примеч. Р.К. Медведевой. – М.: Республика, 1994. – С. 329.

¹² Там же.

¹³ *Фурсов А.И.* Будущее российской цивилизации: Нация? Цивилизация? Иное? Российская Федерация сегодня. 2011. № 6. – URL: <http://www.pu.virmk.ru/aktual/MNENIE/authors/fursov.htm>.

¹⁴ *Бердяев Н.А.* Судьба России. – М.: АСТ, 2010. С. 185.

¹⁵ Это место сырьевого придатка. М. Тэтчер однажды обронила фразу (дословно): «Экономически целесообразно, по оценкам мирового сообщества, оставить проживать на территории России 15 миллионов человек».

REFERENCES

- Berdyayev N.A.* Sud'ba Rossii. Moscow: AST, 2010.
- Bessonova O.E.* Razdatochnaya ekonomika Rossii: evolyutsiya cherez transformatsii. Moscow: ROSSPEN, 2006.
- Gi Debor.* Obshchestvo spektaklya. Per. s frants. S. Ofertasa, M. Yakubovich. Moscow: Logos-Radec, 2000.
- Zinov'yev A.A.* Kak igolkoy ubit' slona. URL: <http://www.zinoviev.ru/rus/slon.html>
- Kara-Murzy S.G.* Narodnoye khozyaystvo SSSR. Moscow: Algoritm, 2012.
- Kara-Murza S.G.* Sovetskaya tsivilizatsiya (ot nachala do nashikh dney). Moscow: Eksmo, 2008.
- Karleyl' T.* Teper' i prezhde. Sost., podgot. teksta i primech. R.K. Medvedevoy. Moscow: Respublika, 1994.
- Fursov A.I.* Budushcheye rossiyskoy tsivilizatsii: Natsiya? Tsivilizatsiya? Inoye? Rossiyskaya Federatsiya segodnya. 2011. № 6. URL: <http://www.pu.virmk.ru/aktual/MNENIE/authors/fursov.htm>
- Shevchenko V.N.* K metodologii zhiznesposobnosti rossiyskogo gosudarstva. Rossiyskoye gosudarstvo: opyt filosofskogo prochteniya (kollektiv avtorov). Moscow: Progress-Traditsiya, 2012.
- Khantington S.* Stolknoveniye tsivilizatsiy? Polis. 1994. № 1.